

«...Я уже не мог спокойно говорить, а кричал в трубку, что докладываю, наверное, в последний раз, потому что уже нет никакой надежды на спасение...»

Письмо ветерана Великой Отечественной войны В.И. Мазырнова
Я.М. Кузнецову, сотруднику издательства Новосибирского
государственного университета.

(К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне)

Письмо В.И. Мазырнова, радиста 35-й гвардейской стрелковой дивизии (этот факт установлен по фрагменту письма о событиях под Арбузовкой), написано в августе 1982 г. Биография автора письма не известна, на момент его написания он проживал в Томске.

Познакомившись с опубликованным документом, читатель узнает об отдельных фронтовых эпизодах, которые, по мысли автора, раскрывают психологию человека на войне.

Письмо В.И. Мазырнова хранится в Государственном архиве Новосибирской области в составе архивного фонда личного происхождения «Кузнецов Яков Мефодьевич (13.05.1923 – 11.08.2002), партийный и советский работник, редактор Новосибирского книжного издательства, исследователь революционного движения и Гражданской войны в Сибири».

Текст к публикации подготовила О.В. Выдрина.

Письмо В.И. Мазырнова Я.М. Кузнецову

Уважаемый Яков Мефодьевич!

Какое воздействие оказывали на моё психологическое и душевное состояние первые соприкосновения, стычки и бой с врагом, я думаю, можно будет лучше понять, если эти ситуации проследить каждую в отдельности и последовательно по времени суток, так как каждая ситуация оставляла свой, отличный от других осадок на душе.

Кроме того, если последовательно рассмотреть ситуацию, то можно будет понять и формирование нового психологического уклада на военный лад, отличного от повседневного – гражданского. Должен сказать, что ломка психологического уклада на военный лад мне давалась очень тяжело, особенно причастность к убийству людей, хотя и врагов.

Ведь в первых же схватках с врагом нужно было без колебаний определить свою позицию – ты должен убить. Подспудно возникал вопрос – а за что? Он же тебе, кажется, ничего худого не сделал, и он же все-таки человек. Тут было не до¹ анализа – за что? Такое чувство нужно было подавлять, и, как

---

¹ В тексте – для.

ни странно, в этом подавлении помогал страх – если ты не убьешь, то убьет он тебя. И только потом, когда побывал несколько раз в смертельных схватках с врагом, то все действия стали исходить из осознанной необходимости. Вот почему, видимо, и бытует пословица «За одного битого семь² небитых дают».

Фронтные условия требовали огромных усилий по мобилизации силы воли, чтобы держать свои нервы под контролем и не терять рассудок. Ведь нужно было постоянно соблюдать осмотрительность и осторожность, наверно, такую же, как охотнику за тиграми-людоедами. Надо было остерегаться и боязни, хотя она и предохраняла от опасности, но она предохраняла до тех пор, пока человек не терял рассудок. Много раз я был свидетелем, когда люди гибли лишь только потому, что теряли рассудок.

Первое знакомство с войной состоялось за городом Ржевом. Это произошло в тот момент, когда наш эшелон остановился на каком-то разъезде и началась выгрузка из вагонов.

Разгрузка была еще не закончена, как рядом заговорили зенитные орудия и в небе, на большой высоте, мы увидели вражеские самолёты и около них белые облачка – следы от разрывов зенитных снарядов. То ли самолёты противника, то ли стрельба зенитных орудий вызвали среди нас такую панику, что мы, задрвав головы в небо, не видя перед собой ничего, побежали от железнодорожной линии в ту сторону, откуда приехали. В этот момент, если был бы кто-нибудь среди нас из опытных, бывалых командиров, то я думаю, что он, наверно, от смеха живот бы надорвал, потому что когда мы бежали, то многие падали, вскакивали, вертели головами и снова мчались как очумелые.

Я тоже бежал, как и все, туда, куда бежало большинство нашего брата. Потом отскочил в сторону, давая другим дорогу. И тут у меня мелькнула мысль в голове, что такая беготня, наверно, бесполезна, и я остановился, сел на землю и стал наблюдать за самолётами и разрывами зенитных снарядов.

Не успел отдышаться, как зенитные орудия замолчали, а самолёты пролетели куда-то дальше, не обратив на нас внимания, или просто они нас не заметили. Всё поле, по которому мы разбежались, стало успокаиваться. Теперь уже не бежали, а, озираясь по сторонам, шли обратно к месту, откуда убежали...

С первых чисел октября, мы первые прибыли на огневые позиции, которые находились за городом Сычёвка.

На рассвете, подъезжая к позициям, наши машины остановились у какого-то разъезда. Из окна будки, в которой находилась радиостанция, было видно, что мы стоим на дороге, впереди нас и позади тоже стояло много машин. А когда глянул в окно, то внизу, перед самым окном, увидел нашего солдата. Он сидел прямо в кювете, а вытянутые ноги поднимались из кювета в сторону полотна дороги. Солдат был совсем ещё молоденький, ну просто

---

² В пословице – двух.

безусый мальчишка. Обмундирование на нем совсем новое, видно, что только одетое: каска, шинель, сапоги, ремень с подсумками, чистые, без каких-либо следов носки.

До меня не сразу дошло, что он убит, мне показалось, что он сидит отдыхает, навалившись на откос стенки кювета. Но когда присмотрелся к нему, то вижу, что он мёртв, сидит без признаков движения, и его молодое лицо стало уже покрываться налётом дорожной пыли.

«Как же так? – подумал я, – он такой молодой, не дошёл ещё до передовой, не воевал, не стрелял, а его уже убили. Спрашивается, за что? За какие грехи? Да почему же люди охотятся за людьми, как за каким-нибудь зверьём?»

Тогда я ещё не представлял себе, что на войне могут убить так, просто, как вот этого солдата, всюду и везде и в любое время, как говорится, ни за грош ни за копейку. Но вскоре после этого случая, когда я увидел, как жесток и бесчеловечен враг, от моих представлений, когда можно или невозможно убийство людей, не оставалось и следа. За войну много, очень много пришлось видеть нашего брата убитыми и искалеченными, но этого первого солдата, как мне показалось тогда, убитого не на войне, я не могу забыть.

Остановка машины была вызвана тем, что на железнодорожную станцию, к которой мы подъезжали, налетели фашистские стервятники³. Они сбрасывали бомбы на дома мирных жителей и расстреливали всех, кто им попадался на глаза.

Отражая налет стервятников, я видел тогда, как один наш солдат, пулемётчик спаренных пулемётов, установленных в кузове автомашины, стоявшей рядом с нашей, открыл огонь по стервятнику в тот момент, когда тот шёл прямо на него и строчил из крупнокалиберных пулемётов. Мне хорошо были видны трассы пуль с самолёта, они, ударяясь в землю, поднимали пыль, и были видны следы, прошивавшие машину, с которой строчил наш пулемётчик по врагу. Вражеский самолёт улетел, к счастью, не причинив серьёзного вреда нашим машинам и отважному пулемётчику.

В тот момент, когда они стреляли из пулемётов друг в друга, почти в упор, фашистский лётчик сидел в самолёте, прикрытый броней, а наш пулемётчик, ничем не защищенный, в открытом кузове, – строчил по врагу. Это был, конечно, неравный поединок, и от этого у меня вся душа замирала. Когда бой закончился, стервятник улетел, я вздохнул с облегчением и обрадовался, что пулемётчик жив и невредим, не струсил, принял бой, не отступил.

Сразу, как только прекратилась стрельба и не стало слышно пулемётной трескотни, грохота и рёва самолёта, мне показалось будто бы наступила тишина, но на самом деле никакой тишины не было и не могло быть потому,

---

³ Имеется в виду авиация противника.

что всюду гудели машины и среди них бегали и что-то кричали солдаты. Такое обманчивое восприятие тишины, видимо, произошло у меня оттого, что в тот момент, когда шло сражение нашего пулемётчика с фашистским стервятником, я всецело был поглощён наблюдением за этим поединком, остального не слышал и не видел, а когда стервятник улетел, я не сразу вновь обратил внимание на все то, что происходило вокруг нас.

После схватки с фашистским стервятником машины заурчали и поползли дальше. Как только стоявшие впереди машины освободили дорогу, наша машина тоже начала движение, она направилась вслед за машиной генерала, который держал направление туда, где за лесом что-то горело и вверх высоко в небо поднимались клубы чёрного дыма. Это было совсем недалеко, дорога хорошая и мы быстро доехали. Когда стали подъезжать, то увидели, что горит железнодорожная станция. Горели дома и разные деревянные постройки, дымом заволокло так, что было трудно разглядеть, где что находится.

Наша машина почему-то сразу очень близко подъехала к горевшим деревянным постройкам и остановилась в конце площади, около старых тополей. Было видно, что эти тополя были обнесены изгородью, но изгородь уже сгорела и от неё остались только одни тлеющие головёшки. Как только машина остановилась, я сразу же выскочил из будки и тут же увидел сквозь пелену дыма, как по площади бегали, нервничали и кричали военные, некоторые из них катили куда-то какие-то бочки, другие тащили на себе мешки или что-то похожее на них. Машины с рёвом и гудками залетали на площадь, разворачивались на ней и тут же уходили обратно.

И вдруг, ко всему этому шуму и гаму, на площади грянули залпы зенитных орудий, затрещали пулемёты.

В это же время быстро нарастал рёв самолётов, а потом со стороны, где бушевал пожар и все заволокло дымом, с оглушительным рёвом вынырнули фашистские стервятники, они шли прямо на нас и на бреющем полёте сбрасывали бомбы и поливали из пулемётов. Сразу же все бросились на поиски укрытий, кидались в разные стороны, и, не найдя ничего подходящего, падали просто на землю, там, где останавливались. Я тоже кинулся сначала в одну сторону, потом в другую, потом подбежал к машине и бросился под неё, уткнувшись головой под заднее колесо. Но пока я принял такое решение самолёты противника уже пролетели, оставив среди нас несколько человек убитыми и ранеными.

На этой железнодорожной станции я первый раз увидел так близко войну и узнал, насколько она безжалостна и жестока. Во время бомбёжки и обстрела некогда было думать почему и отчего так происходит, тогда все мои мысли и действия, так же как и у всех, были направлены только на то, чтобы найти где-нибудь какое-нибудь укрытие.

Сразу после налёта стервятников наша машина развернулась и ушла от пылающей железнодорожной станции. Машина шла не по дороге, а где-то стороной, по бездорожью, поэтому и в будке сильно трясло и кидало из стороны в сторону. Казалось бы, такая езда должна была меня отвлечь от тех страшных размышлений над последствиями, которые совершили фашистские стервятники на железнодорожной станции, но я никак не мог забыть, и у меня все время назойливо в голове и перед глазами мельтешили картины от только что пережитого кошмара. Я ведь своими глазами видел, как горели дома мирных жителей, и когда они догорали и рушились, то от этого взлетало высоко кверху пламя огня и чёрного дыма вместе с искрами, которые разлетались вверху и медленно падали вниз.

Невозможно было заглушить в себе стоны и крики раненых и окровавленных солдат, а также забыть оставшиеся на поле трупы убитых наших товарищей, забыть о судьбе мирных жителей, стариков и детей, оказавшихся в таком страшном и губительном огне войны. Это ужасно. От такого потрясения я долго не мог прийти в себя. Со мной на радиостанции никого не было, не у кого было спросить, чтобы все это значило. Как же человечество дошло до того, что не зная друг друга, они могут убивать, безжалостно разрушать и уничтожать ценности, на создание которых было затрачено столько человеческого труда?

Что же это делается? Ведь мало назвать таких людей варварами, они достойны проклятия и жестокой кары за свои злодеяния...

Так это было в первые дни, в полосе боевых действий. Потом, кто оставался после боя живым, уже по-другому начинал смотреть на все ужасы войны. Прежних переживаний и суждений, которые были вначале, уже не возникало. Все действия исходили от осознанной необходимости. Для примера приведу случай, который имел место в конце 1942 года.

Вечером противник снова нас пытался атаковать, но безуспешно, атака была отбита, противник понёс большие потери и отошёл на прежние рубежи. А когда ночью совсем прекратился огонь, воцарилась полная тишина, казалось, противник покинул свои позиции и уходит, когда капитан Ерохин не выдержал и решил пойти проверить, а нам, радистам, приказал следовать за ним.

В те военные года донские степи в полосе фронта не обрабатывались и не засеивались как прежде, они пустовали и от этого заросли высокой густой полынью и травой. Дорогу, проходившую среди зарослей полыни, по которой итальянцы отступали, мы перерезали и оседлали, но оставшиеся у нас в тылу войска противника не сложили оружия, они пытались обойти нас стороной, по бездорожью, по густым зарослям полыни, чтобы соединиться со своими

частями, которые сосредотачивались в посёлке Арбузовка⁴. Арбузовка у них была опорным пунктом, откуда они пытались задержать наше продвижение вперед и избежать полного разгрома, но эта попытка у них была безуспешной.

Направляясь с капитаном Ерохиным в сторону Арбузовки, мы не прошли и сотни полторы метров, как увидели вражескую подбитую машину. Было темно, всё казалось подозрительным, и мы были готовы ко всякой случайности. Поэтому прежде чем продвигаться дальше, решили осмотреть эту подбитую машину. Обойдя со всех сторон и осматривая машину, мы вдруг заметили, что в тылу у нас, откуда только что мы пришли, на дорогу выходит из полыни большая вражеская колонна солдат направляется в нашу сторону. Капитан Ерохин, как только заметил эту колонну, сразу же как заорет: «Батальон, к бою! Слушай мою команду, противника взять на прицел и не спускать с него глаз!» А сам кинулся со своим ординарцем и двумя автоматчиками прямо к вражеской колонне, не переставая кричать и отдавать разные команды несуществующему батальону.

Мы, трое радистов, стояли около подбитой машины с карабинами наизготовку, готовые в любой миг открыть огонь по колонне вражеских солдат. Нас хотя и было мало, но мы могли противнику нанести ощутимый урон, особенно те из нас, кто имел автоматы, которые на такой близкой дистанции своей бешеной скорострельностью могли плотный строй вражеских солдат изрешетить основательно.

Но если бы вражеские солдаты заметили у нас какую-то растерянность, то они могли бы быстро сообразить, в чем дело, и тогда бы только одним залпом сразу избавились от нас. Однако капитан Ерохин настолько действовал решительно и уверенно, проявляя просто чудеса героизма и находчивости, что он не дал вражеским солдатам опомниться, он своими действиями их просто парализовал. И когда колонна вражеских солдат заметила что-то неладное, услышала выкрики и увидела бегущего на них капитана Ерохина со своими автоматчиками, то она пришла в замешательство и остановилась, а он в этот момент подскочил к колонне и прямо сходу начал срывать с солдат оружие и, бросая его в сторону в снег, энергично подталкивал обезоруженных солдат под конвой своего автоматчика, стоявшего в стороне с автоматом наизготовку.

После того, как было сорвано оружие с нескольких солдат, оставшиеся солдаты начали самостоятельно сбрасывать с себя оружие и становиться в

---

⁴ Битва под Арбузовкой — сражение, проходившее с 22 по 25 декабря 1942 года в долине Арбузовка (рядом с. Чертково, Россия), между итальянскими и немецкими войсками и советскими войсками в рамках Сталинградской битвы. Сражение длилось три дня, в течение которых итальянские и немецкие силы пытались прорвать оборону советских соединений и вырваться из окружения. Эти попытки, в том числе несколько штыковых атак итальянских частей, были отбиты с большими потерями для частей Оси, и ситуация стала настолько безнадежной, что итальянским полковым командирам было приказано сжечь флаги своих подразделений. 25 декабря 1942 года после серии ожесточённых атак, переходивших в рукопашные схватки, остатки итальянских и немецких частей сумели пробиться через окружение и на следующий день добраться до Чертково. На поле боя осталось не менее 10 000 убитых, 5 000 раненых солдат Оси. В плен к советским войскам попало от 10 000 до 15 000 солдат.

строй, в колонну пленных. Колонна, не нарушая порядка, постепенно поворачивала от дороги и пошла следом за нашим автоматчиком, который сначала пятился назад, чтобы видеть обстановку, потом пошел боком, всё посматривая на солдат, и, наконец, когда колонна полностью была разоружена и сзади неё зашагал наш конвойный автоматчик, тогда шедший впереди автоматчик пошёл нормально, только часто оглядывался назад. Ведь было очень опасно вести только вдвоем по полю такое большое количество пленных вражеских солдат.

Вот так ночью тогда было разоружено и взято в плен около сотни солдат врага и под конвоем только двух наших автоматчиков направлены на командный пункт командира полка. Я хорошо помню, что один из автоматчиков, сопровождавших тогда пленных, был наш санинструктор Контария, он ещё в часы досуга часто танцевал лезгинку.

Колонна пленных итальянцев ещё не удалась, а мы развернули радиостанцию, и капитан Ерохин доложил командиру полка подполковнику Тишакову о том, что нам направлена в тыл большая партия пленных вражеских солдат, и коротко объяснил, при каких обстоятельствах это произошло.

Только что закончилась наша операция с пленными и переговоры с командиром полка, и мы уже было пошли обратно, как вдруг видим со стороны противника, от поселка Арбузовка, на лошади во весь опор скачет всадник в белом маскировочном халате прямо на нас. Капитан Ерохин сразу же опять сорвался с места и бросился всаднику навстречу. На полном ходу схватил за поводья лошади и стал останавливать её. Лошадь по инерции протащила его несколько метров, развернулась и стала поперек дороги. Всадник, почуввав недоброе, соскочил с лошади и кинулся в сторону от дороги, но его сразу же настигла автоматная очередь ординарца капитана, пробежав несколько метров, сначала как будто споткнулся, а потом упал лицом прямо в снег.

При осмотре всадника мы нашли у него документы и личное оружие. По документам можно было понять, что это был офицер итальянской армии, очевидно направленный для встречи той колонны солдат, которую мы только что разоружили, взяли в плен и отправили в штаб полка.

Командир полка приказал нам вернуться на прежнее место. Как только мы вернулись, то капитан Ерохин приказал нам оставаться на месте, а сам ушёл в боевые порядки батальона, и с тех пор мы больше его не видели. Мы тяжело переживали потерю столь необыкновенного человека, совершившего на наших глазах, невероятной сложности и опасности, чудеса героизма. Это был наш третий комбат за время боевых действий под Арбузовкой, которого мы лишились в течение одних суток.

Утром бой возобновился. В лощинке, на командном пункте батальона, где мы располагались, с нами никого не было, если не считать каким-то чудом

уцелевшей лошади, которая стояла ниже нас между крутых обрывистых берегов лощины, переходившей в том месте в овраг. Лошадь была привязана к разбитой повозке нашей санчасти. Ящик с запасом бинтов и других принадлежностей был поврежден, но не разбит и не раскидан.

С самого утра и весь день не смолкала орудейная и ружейно-пулеметная дуэль. Мы находились на стыке с соседними воинскими <частями>, пехота которых занимала огневые позиции по левую сторону от нас. Через лощинку, где мы находились, то и дело протаскивали на плащ-палатках или просто так волоком раненых из наших и соседних подразделений. Отойти в тыл прямо от нас было невозможно, так как подъём из лощины сильно обстреливался, потому раненых и тащили сначала по лощинке, вдоль огневой линии, а потом внизу уже через овраг выходили в тыл.

С самого утра и до вечера мы не могли получить еду, да и не до этого было, так как противник вел интенсивный огонь, того и гляди накроет снаряд или мина, не говоря уже о том, что могла и сразить шальная пуля. Уходить с этого места нам было нельзя, не было приказа. Командир полка требовал от нас постоянно докладывать обстановку, как будто мы у него выполняли роль наблюдательного пункта.

К вечеру огонь усилился, к общей артиллерийской канонаде добавился свист и жужжание противотанковых болванок. Вслед за вспышкой массированного огня противник пошёл в атаку. Первые ряды атакующих продвигались по-пластунски, за ними двигались на коленях и только последние шли в полный рост плотной стеной. Этот многоярусный атакующий строй поливал нас ружейно-пулемётным огнём невероятной плотности. От нашей санчасти осталась теперь только убитая лошадь и перевернутые взрывом снаряда сани с ящиком, из которого вылетели бинты, и теперь лежали они белыми полосками на грязном снегу.

Слева от нас наша пехота, увидев густые ряды атакующих, дрогнула, солдаты один за другим, пригибаясь до самой земли, побежали с огневых позиций. Но в этот момент им навстречу кинулся сам командир соседнего полка нашей дивизии. Он был невысокого роста, в телогрейке, бежал в полный рост с пистолетом в руке, поднятой вверх, и кричал: «Назад! Назад!» Солдаты, увидев командира полка, останавливались, падали на землю и начали по-пластунски ползти снова на оставленные позиции. Когда солдаты были остановлены и стали пробираться на огневые <позиции>, тогда командир полка закричал: «Вперед! За Родину, за Сталина!» Так на наших глазах командир полка предотвратил панику. Но атакующие шли на нас, и мы уже стали видеть не только тех, которые шли в рост, но и тех, которые ползли. Увидев атакующих, я приказал своим радистам Кожанову и Чернову открыть огонь по противнику, и они сразу же дружно принялись из своих карабинов бить по врагу.

О такой многоярусной атакующей цепи, мне кажется, ещё никто не слыхивал и не видывал, это было что-то такое, которое не только давило на нервы, на психику, но сметало на своем пути всё, что только попадало.

Докладывая командиру полка обстановку я уже не мог спокойно говорить, а кричал в трубку, что докладываю, наверное, в последний раз, потому что уже нет никакой надежды на спасение, противник вот-вот нас сомнет и растерзает.

Командир полка, успокаивая нас, говорил: «Держитесь, ребята, сейчас, сейчас заиграет «катюша»». После этого я ещё раз успел прокричать в трубку: «Да где они, эти «катюши»? Ведь для нас уже наступил конец!» В то время, когда я прокричал последние слова, мы услышали вверху над собой шипение и свист, а потом впереди нас раздался оглушительный гром и образовалась сплошная стена чёрного дыма, который пронизывали тёмно-красные искры осколков раскалённого железа.

Я ещё не успел опомниться от грохота и грома рвавшихся снарядов «катюш», как в трубке слышу голос командира полка: «Ну как, живы? Вас не задело?». Я отвечаю уже упавшим голосом: «Живы, снаряды «катюш» рвались прямо перед нами, рядом, если бы не углубление лоцинки, могли бы нас снести без следа, но все обошлось хорошо. Залп был точный, как раз по передним атакующим цепям противника». «Как ведет себя противник? Если заметите оживление, сразу же говорите, мы имеем возможность подбросить огонька». Я доложил, что оживления пока не замечаем, но если имеется возможность подбросить огонька, то хорошо было бы еще ударить по противнику, только поглубже в тыл. «Хорошо, наблюдайте» – сказал командир полка. Второго залпа «катюш» долго ждать не пришлось. Вторым залпом атакующая пехота противника окончательно была уничтожена. На поле боя сразу наступило гробовое молчание.

Становилось темно, и после адского грохота и грома, в наступившей тишине, мы сразу же почувствовали всю тяжесть накопившейся и свалившейся на нас усталости. Мы не спали и не имели передышки уже несколько суток, и теперь у нас просто не было никаких сил бороться со сном и усталостью. Мои радисты, Кожанов и Чернов, даже не сдвинулись с тех мест, откуда стреляли по противнику, они положили головы на приклады своих карабинов, так и заснули. Было видно, что они спят сейчас как убитые.

Посылаю Вам описание некоторых моментов, которые пришлось пережить мне на фронте, прежде чем я стал полноценным солдатом.

Прошу извинить за откровенные суждения. Но ведь это не для печати, а Вы, Яков Мефодьевич, думаю, поймете меня, хотя я и написал угловато.

С уважением
15 августа 1982 г.

ГАНО. Ф. Р-1202. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–14. Машинописная копия. Публикуется впервые.